

ФАКТОРЫ И КОМПОНЕНТЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ¹

ФИЛОНЕНКО ЮЛИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: yfilonenko@sfedu.ru;

ЯКОВЛЕВА ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: eayakovleva@sfedu.ru

В статье представлены основные итоги поискового этапа исследования субъективного благополучия определенной социальной группы – научно-педагогических работников современных университетов. Описаны результаты качественного исследования – проведенных в апреле–мае 2018 г. четырех фокус-групп «Анализ факторов субъективного благополучия НПП, составляющие профессиональной идентичности» с экспертами ЮФУ, Ростовского филиала Российской таможенной академии, корпоративного университета Сбербанка в Ростове-на-Дону. В статье представлены факторы и компоненты субъективного благополучия НПП, их социальная и профессиональная мотивация, а также факторы «удержания» высококвалифицированных сотрудников в высшей школе и факторы, способствующие «выталкиванию» из академической профессии. Сделаны выводы о многомерности субъективного экономического благополучия, включающего осознание ценности и смысла профессиональной деятельности, самооценку, переживание положительных эмоций и чувств, связанных с профессией, и обоснована актуальность этих выводов для управленческих практик, направленных на достижение и удержание психологической устойчивости, рост продуктивности и самореализации личности педагога. Полученные результаты интерпретированы в методологической рамке междисциплинарных исследований социологии, экономики счастья, теории человеческого капитала, позитивной психологии, макропсихологии, поведенческой экономики.

Ключевые слова: субъективное благополучие; факторы и компоненты субъективного благополучия; научно-педагогические работники.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-010-00952 «Исследование субъективного благополучия россиян на примере научно-педагогических работников: факторы и динамика».

SUBJECTIVE WELL-BEING FACTORS AND COMPONENTS OF SCIENTISTS AND TEACHING STAFF IN MODERN UNIVERSITIES

JULIA V. FILONENKO,

Candidate of Economics, Associate Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: yfilonenko@sfnedu.ru;

ELENA A. YAKOVLEVA,

Candidate of Economics, Associate Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: eayakovleva@sfnedu.ru

The article presents the main results of the search phase of the subjective well-being study in social group – scientists and teaching staff of modern universities. According to the results of the April–May 2018 4 focus-groups «Subjective well-being factors of scientists and teaching staff analysis: professional identity components» with experts of the Southern Federal University, Rostov branch of the Russian customs Academy, Sberbank Corporate University in Rostov-on-don. The article presents subjective well-being of scientists and teaching staff factors, their social and professional motivation, as well as the factors of «retention» of highly qualified workers in higher education and the factors contributing to the «displacement» of the academic profession. The conclusion is made about the interdisciplinarity of subjective economic well-being, including awareness of the value and meaning of professional activity, self-esteem, positive emotions experience and feelings associated with the profession, and the relevance of these findings for management practices aimed at achieving and maintaining psychological stability, increasing productivity and self-realization of the teacher's personality. The results are interpreted in the methodological framework of interdisciplinary studies of sociology, economics of happiness, the human capital theory, positive psychology, macropsychology, behavioral economics.

Keywords: subjective well-being; subjective well-being factors and components; scientific and pedagogical workers.

JEL: D01, D91

Введение

В условиях научной дискуссии относительно методик измерения экономического благополучия населения растет потенциал применимости междисциплинарного подхода. Объективный подход, использующий доход домохозяйства, индивидуальный и национальный доход как индикатор экономического благополучия индивидуума, семьи и страны, дополняется концептом субъективного экономического благополучия как детерминанты и предиктора экономического поведения человека. Субъективные оценки удовлетворенности финансовой ситуацией, материальным положением, доходом применимы для измерения благосостояния и благополучия, актуализируют детерминацию факторов, влияющих на формирование субъективного благополучия населения страны и поиск методики измерения уровня субъективного благополучия. В этой связи исследовательский коллектив экономического факультета Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) в 2018 г. инициировал качественное

исследование факторов и динамики субъективного благополучия россиян с тем уточнением, что детализация факторов, влияющих на объективные критерии уровня жизни и субъективное благополучие индивидов, учитывает влияние профессионально значимых факторов на удовлетворенность качеством жизни. Такой профессиональной группой была выбрана группа представителей академической профессии – научно-педагогические работники российских региональных, федеральных и опорных вузов (Южный федеральный университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Крымский федеральный университет, Калининградский государственный технический университет, Донской государственный технический университет, Кубанский государственный университет и др.) как особая социальная группа, генерирующая существенный вклад в развитие человеческого капитала.

Этот выбор объясняется тем, что в условиях высокой динамики и плотности институциональных изменений в российском высшем образовании (Вольчик, 2015, с. 115) меняется не только характер профессиональной деятельности, но и субъективное восприятие благополучия в академической профессии и уровне жизни в целом. Это, как показали многочисленные исследования, существенно влияет на производительность, качество труда, его результаты, количество увольнений, больничных листов, удовлетворенность трудом (Oswald, Proto, Sgroi, 2015). Более того, субъективное благополучие участников учебно-воспитательного процесса предлагается рассматривать как одну из целевых функций разработки педагогических технологий и как один из показателей эффективности педагогической деятельности (Творогова, Кулешов, 2017, с. 6).

Теоретическая рамка исследований субъективного благополучия: потенциал междисциплинарности

Теоретическая рамка имеющихся исследований субъективного благополучия околонулена междисциплинарными исследованиями экономики, социологии, психологии, а именно методологическим потенциалом поведенческой экономики, экономики счастья, теории человеческого капитала, позитивной психологии, макропсихологии. Так, в русле макропсихологии психологическое состояние больших групп людей детерминировано как объективными, так и субъективными оценками (Лебедев, 2018, с. 68). В ряде случаев эти оценки значительно различаются, например, в исследовании субъективного экономического благополучия (subjective well-being), при определении индекса счастья (happy planet index) и др.

Активно развивающиеся направления исследований субъективного благополучия и экономики счастья инспирированы необходимостью переосмысления критериев благополучия общества, изменения приоритетов социально-экономического развития и конечных целей социальной и экономической политики. Многочисленность и разнообразие выполненных в XX–XXI вв. исследований в этих сферах не свидетельствуют, однако, об эпистемологическом анархизме П. Фейерабенда, а скорее отражают переход от второго, «допарадигмального» этапа развития науки в интерпретации Т. Куна, когда формируются общепринятые концепции и апробируются методы исследования, к «парадигмальному» – этапу создания теории и ее признанию научным сообществом.

Междисциплинарный характер исследований субъективного благополучия формируется в рамках постнеклассического типа научной рациональности, что позволяет углубить генерируемые знания пониманием целерациональных действий и поведения человека, т.е. социокультурные, ценностно-смысловые структуры. Концептуальное содержание фелицитарных теорий, связанных с субъективными оценками акторов их жизни, предложено экономистами Р. Истерлином и Р. Лэйардом (Easterlin, 2005; Layard, 2011), социологами Р. Винховеном и Р. Инглхардом (Inglehart, 2010; Veenhoven, 2005), психологами Д. Канеманом и М. Селигманом (Kahneman, Deaton, 2010; Селигман,

2013) и другими учеными, предложившими интерпретировать счастье граждан как измеримый показатель, имеющий важное значение для оценки эффективности государственной политики, и развивается в работах отечественных авторов (Антипина, 2012; Кислицына, 2016; Козырева, 2016; Тихонова, 2015; Хащенко, 2011).

Целесообразно, по нашему мнению, обеспечить определенную терминологическую демаркацию понятий «субъективное экономическое благополучие», «качество жизни», «счастье», «удовлетворенность жизнью», которые зачастую используются как взаимозаменяемые. Однако эти термины содержательно отличаются. Понятие «счастье» (happiness) используется для определения состояния человека, при котором положительные эмоции превалируют над отрицательными, или (в рамках социально-философского анализа) феномен счастья трактуется как высшее благо, возможное и достижимое состояние человеческого бытия. В то же время термин «удовлетворенность жизнью» применяется для оценки жизни в целом с точки зрения долгосрочной перспективы и наполнен, в определении психологической науки, большим количеством личностных детерминант – как результат социального сравнения фактического статуса человека с его притязаниями, потребностями и восприятием собственного положения (Strümpel, 1974) или с финансовой ситуацией у референтных лиц (Campbell et al., 1976) (Цит. по: Хащенко, 2011; с. 107–108).

Сложный концепт понятия «субъективное благополучие» (subjective well-being (SWB)) или «субъективное самоощущение удовлетворенностью жизнью» рассматривается в нашем исследовании вслед за Э. Динером с позиций субъективистского подхода как субъективная оценка индивидом его экономического и социального положения, как личное восприятие человеком своего состояния и включает три компонента: «аффект» (совокупность чувств и настроений человека), счастье (превышение положительных эмоций над отрицательными) и удовлетворенность жизнью (как когнитивная сторона субъективного благополучия).

Для экономистов исследовательским потенциалом обладают, прежде всего, удовлетворенность жизнью и влияние на нее уровня доходов. До определенного уровня доходов удовлетворенность населения жизнью действительно зависит от роста ВВП страны. Если на начало 2000-х гг. этот уровень составлял 20 000 долл., то после кризиса 2008–2009 гг., усилившего чувство неопределенности и нестабильности, рост удовлетворенности жизнью выявляется уже до уровня в 36 000 долл. ВВП на душу населения (Тихонова, 2015, с. 20). При этом страны с ВВП на душу населения свыше 20 000 долл. видят гораздо менее очевидную связь между ВВП и счастьем. Данные Е. Прото и А. Рустичини показывают явно положительную связь между совокупным доходом и удовлетворенностью жизнью в более бедных регионах, но эта связь выравнивается и даже становится отрицательной для более богатых регионов, с уровнем между 30 000 и 33 000 долл. Между этим уровнем и самым высоким уровнем ВВП на душу населения (54 000 долл.) вероятность того, что самый высокий уровень удовлетворенности жизнью изменится не более чем на 2%, что соответствует парадоксу Истерлина о том, что связь между удовлетворенностью жизнью и ВВП более или менее плоская в более богатых странах (Proto, Rustichini, 2013).

Этот процесс продолжается до достижения обществом такого уровня развития, когда экономический рост более не обеспечивает увеличение уровня субъективного благополучия, т.е. рост удовлетворенности жизнью не всегда опосредован ростом благосостояния (Ferrer-i-Carbonell, 2005, p. 1010). В этой связи необходим учет совокупности других факторов, включая систему ценностей и целей человека, транслируемых им индивидуальных стандартов благосостояния, культурные особенности, а также самооценку себя как экономического субъекта. За теоретическую «единицу» выделения этих факторов В. Хащенко предлагает принять осознаваемые элементы отношения личности к собственному материальному благополучию и перспективам его изменения (Хащенко, 2011, с. 109).

Следующей релевантной для формирования общепринятой концепции субъективного благополучия проблемой является поиск надежных индикаторов и методов его измерения. И если счастье как конечная ценность в терминах социальной философии оценивается по логической последовательности и как идея не может быть измерена, то социологи и экономисты стремятся сделать субъективное благополучие измеряемым. Измерение его уровня проводится мировыми исследовательскими центрами, отдельными учеными весьма разнообразно – от расчетов многомерных индексов, учитывающих субъективные и объективные характеристики, до прямых вопросов, считает ли респондент себя счастливым.

В зарубежных исследованиях широко представлены проекты, методы, индексы по измерению благополучия на международном уровне, ориентированные как на отдельные проблемы, например, здоровье, старение населения (проекты SAGE Всемирной организации здравоохранения), так и на охват обширных проблем: качество жизни, развитие человеческого потенциала (инициатива ОЭСР по исследованию качества жизни, в рамках которой создана структурная схема измерения благополучия; Всемирный опрос 130 стран Института Гэллага о благополучии (индекс благополучия Gallup-Healthways); программа ООН по расчету Индекса развития человеческого потенциала (UN's Human Development Index); проект Фонда новой экономики (NEF) по расчету международного индекса счастья (Happy Planet Index) и другие, в том числе Всемирное исследование ценностей (World Values Survey (WVS)) и инициативы французской комиссии по экономической деятельности и социальному прогрессу под руководством Д. Стиглица (*Измерение, 2012; OECD, 2017; Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2009; Helliwell, Layard, Sachs, 2018*).

Множество используемых показателей и индексов уровня благополучия, счастья действительно расширяют эмпирическую базу международных данных о благополучии и предлагают пути развития научных исследований в этих предметных областях, однако, по мнению самих же их разработчиков, либо имеют ряд методологических недостатков, либо слабо сопоставимы и интерпретативны и не объясняют, например, почему, несмотря на рост реального уровня доходов населения развитых стран, уровень удовлетворенности жизнью остался прежним, как показывает парадокс Истерлина (*Easterlin, 2016*) и подтверждают исследования НИУ ВШЭ. Данные масштабных исследований «Счастье в России в сравнительной перспективе» ЛССИ ВШЭ и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за период с 2000 по 2016 г. на основе результатов оценки параметров ARDL-модели опровергли гипотезу о долгосрочной связи между доходами и субъективным благополучием людей и подтвердили парадокс Истерлина (*Ларин, Филясов, 2018, с. 73*), выявив также так называемый эффект гедонической адаптации, когда изменение доходов оказывает лишь краткосрочный эффект на субъективное благополучие (*Флербе, 2012, с. 50*).

М. Флербе, анализируя альтернативные объективные индикаторы общественного благосостояния и способы агрегирования индивидуального благополучия в общественное благосостояние, также указывал на некоторый недостаток современного инструментария измерения субъективного благополучия. Он проявляется, по его мнению, в отсутствии разделения между когнитивными оценками (что люди думают о своей жизни) и аффективными эмоциональными состояниями (как они чувствуют себя в своей жизни), т.е. между суждениями и аффектами (*Флербе, 2012, с. 35*).

Таким образом, разные организации, научные коллективы и ученые при проведении научных исследований субъективного благополучия используют мозаику подходов, методов, инструментов, интерпретирующих различные предметные области, одни подходы являются объективными, другие – субъективными, одни – качественными, другие – количественными. Не претендуя на создание объединяющей методологической концепции, тем не менее внесем вклад в общий подход к анализу субъективного

благополучия, заключающийся в апробации измерителей, используемых в самооценочных интерпретациях для взвешивания различных аспектов жизнедеятельности индивидов с учетом их собственных жизненных ценностей, которые связаны в том числе с их профессиональной деятельностью, и исследовании степени влияния ощущения счастья на эффективное поведение в профессиональной деятельности.

Результаты качественного исследования субъективного благополучия научно-педагогических работников современных университетов

Поиск путей обеспечения экономической и административной эффективности в динамичноменяющейся сфере высшего образования имеет, по нашему мнению, потенциал в направлении идентификации субъективного благополучия научно-педагогических работников вузов и, как следствие, корректировку технологий управления на основе придания большего значения этому переживанию индивидов. Заимствуя вывод, сформулированный в докладе Всемирной организации здравоохранения об измерении показателей и постановки целевых ориентиров в области благополучия: «Всеобъемлющий подход к здоровью и благополучию должен учитывать взаимозависимость между этими понятиями: здоровье влияет на общее благополучие, а благополучие, со своей стороны, является прогностическим фактором здоровья» (*Измерение, 2012, с. 3*), перефразируем, в свою очередь: как благополучие индивида в трудовой деятельности оказывает большое влияние на переживание субъективного благополучия, так и переживание субъективного благополучия в целом влияет на профессиональные достижения, результаты трудовой деятельности.

Согласно данным исследований британского Университета Уорвика, переживающий достаточно высокий уровень субъективного благополучия работник организации показывает продуктивность выше в среднем на 12%, реже увольняется с работы, берет меньшее количество больничных (*Oswald, Proto, Sgroi, 2015, p. 801*). Множество исследований показывают, что профессия, профессиональная идентичность, самореализация, мотивация связаны с субъективным благополучием в трудовой сфере и отражают стремление индивида к росту и развитию, его компетентность, отношение к результатам труда (*Diener, 2002; Rath, Harter; 2010; Warr, 2013; van Horn, 2004*).

Несмотря на отсутствие единого концепта субъективного благополучия и его профессиональной компоненты, в научной литературе представлены глубокие исследования вышеуказанных зарубежных авторов и отечественных исследователей, выявивших критерии субъективного благополучия в профессиональной сфере, компоненты благополучия представителей различных профессий (медицинских сестер, реанимационных работников, что связано с проблемами выгорания и эмоциональности, школьных учителей и педагогов в целом, инкассаторов и работников охранных, спасательных служб как имеющих определенную специфику трудовой деятельности, спортсменов и др.), предпринимаются попытки выделить факторы профессиональной среды, способствующие повышению уровня субъективного благополучия (*Березовская, 2016; Творогова, 2017; Хвостикова, 2012; Шамонов, 2010*).

Как отмечалось выше, научный коллектив Южного федерального университета инициировал исследование факторов и динамики субъективного благополучия россиян с учетом влияния профессионально значимых факторов на примере научно-педагогических работников. В рамках этого исследования в апреле–июне 2018 г. были проведены четыре фокус-группы «Анализ факторов субъективного благополучия НПП, составляющие профессиональной идентичности» с экспертами – научно-педагогическими работниками (далее НПП) ЮФУ, Ростовского филиала Российской таможенной академии, корпоративного университета Сбербанка в Ростове-на-Дону. Были выявлены факторы субъективного благополучия НПП, их социальная и профессиональная мотивация, а также факторы «удержания» высококвалифицированных сотрудников в высшей школе и факторы, способствующие «выталкиванию» из академической профессии.

Используемый в исследовании метод качественного анализа – фокусированное групповое интервью – реализовывался по определенному сценарию как поисковый этап при осуществлении общего стратегического плана исследования в мертоновской концепции (Мертон, Кендлл, Фиске, 1991). Междисциплинарность исследования позволила нам использовать потенциал феноменологической социологии (микросоциологии) А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, объясняющей, что мотивы, представления, понятия и образы поведения и жизни и вся социальная конструкция общества формируются в рамках индивидуальных биографических ситуаций отдельных индивидов, которые затем типизируются и институционализируются (Ядов, 2003, с. 393–395).

Применение данного инструментария объясняется необходимостью проведения разведывательного этапа формирования базы данных для дальнейшего исследования (Мельникова, 2007; Чеховской, 2012). С учетом преимуществ и недостатков данного метода были предварительно осмыслены состав и размер группы, ролевые признаки, осведомленность участников, процедура диалога с учетом методов дискурс-анализа, нарративного анализа. Считаем необходимым определить потенциал и содержание используемых методов. Во-первых, во избежание некоего методологического паноптикума оконтурим содержание «конструкта» и «концепта», принимаемое в настоящем исследовании. Так, опираясь на определение Л. Кронбаха и П. Мила, мы вкладываем в понятие конструкта субъективного благополучия наличие «постулируемого признака или свойства личности, которые предполагается отобразить при проведении тестирования» (Cronbach, Meehl, 1955; Цит. по: Westen, Rosenthal, 2005). Далее, в трактовке А. Анастаси, из этих «признаков, свойств или черт, обнаруживающих себя в непосредственно наблюдаемых поведенческих переменных» логическим путем выводятся конструкты как широкие категории (Anastasi, 1986, p. 10). Следовательно, как уточняет С. Дембицкий, «любой социальный феномен, не поддающийся непосредственному наблюдению, при его исследовании требует создания соответствующего конструкта» (Дембицкий, 2008, с. 102).

Определив содержание конструкта субъективного благополучия, обоснуем наличие более конкретного характера «концепта» по отношению к более абстрактным «конструктам». Так, конструкты и концепты дифференцируются по критериям очевидности и доказанности: конструкты выступают как гипотетические построения, которые еще не очевидны и требуют исследования, обоснования и эмпирической проверки, тогда как концепты являются интерпретируемыми, доказуемыми и общепотребимыми категориями научной практики (Дембицкий, 2008, с. 104). Именно концепты измеряемы и могут быть операционализированы. Кроме того, уточняют филологи, концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно, и концептуальный анализ в этом смысле призван «проследить путь познания смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке» (Фрумкина, 1992, с. 4).

Роль объединяющей методологической концепции между философским, социальным и филологическим содержанием в работе возложена на нарративный и дискурсивный анализ, так как в результате использования качественного инструментария через фокус-группы мы получили слабоформализованные или неформализованные данные, которые и требуют применения этих видов анализа. Дискурсы конституируют социальную реальность и идентификационные модели в современном обществе и, в свою очередь, легитимируют «нарративный поворот» в социальных практиках (Троцук, 2015, с. 50). Включение нарративов в круг релевантных вопросов значительно увеличивает, как указывает В. Вольчик, акцент на исследованиях роли социального контекста на целеполагание акторов, а также определяет его роль при формировании мотивации в экономическом поведении (Вольчик, 2017, с. 136).

Обозначив исходные методологические основы нашего исследования субъективного благополучия НПР, сформулируем его положения, задачи и гипотезы. Концептуальные положения выражаются в следующем:

- экономическое благополучие является объектом междисциплинарных исследований экономики, социологии, психологии с использованием методологического инструментария поведенческой экономики, экономики счастья, теории человеческого капитала, позитивной психологии, макропсихологии (*Easterlin, 2005; Layard, 2011; Inglehart, 2010; Veenhoven, 2005; Kahneman, Deaton, 2010; Селигман, 2013*);
- измерение субъективного благополучия связано с нахождением детерминантов, которые поддаются измерению (*Layard, 2010; Veenhoven, 2005; Diener, 2002; Хащенко, 2012*);
- субъективное экономическое благополучие – многомерное, интегральное образование, включающее осознание ценности и смысла профессиональной деятельности, самооценку, переживание положительных эмоций и чувств, связанных с профессией (*Березовская, 2016; Шамионов, 2010; Хвостикова, 2012*);
- удовлетворенность работой и субъективное благополучие сотрудника выступают факторами, обуславливающими эффективность деятельности организации, и, следовательно, актуальны для управленческих технологий (*Diener, Seligman, 2004*);
- субъективное благополучие НПР наделяет трудовую деятельность смыслом, что противодействует депрофессионализации и выгоранию (*Argyle, 2001; Селигман, 2013*);
- субъективное благополучие НПР неразрывно связано с членством в социально-профессиональной группе, его формирование сопряжено с включением в соответствующую сетку социальных ролей и отношений, с обретением трудовых ценностей.

Задачей исследования является анализ паттерна субъективного благополучия профессии НПР как структурной упорядоченности следующих факторов: специфически значимые стабильные (рациональные, когнитивные, объективные) факторы субъективного благополучия в профессиональной среде НПР, а также факторы профессии, определяющие аффективное состояние благополучия (субъективные, ситуационные, нерациональные), и детальная диагностика аффективных (позитивных психологических) компонентов субъективного благополучия профессии НПР.

Применение дискурсивного анализа предполагает возможность самим респондентам выявить и идентифицировать факторы субъективного благополучия в целом. В сценарии фокус-групп было предусмотрено четыре этапа обсуждения проблемы с респондентами. На первом этапе посредством анонимного голосования, затем в совместном групповом обсуждении участникам было предложено детерминировать факторы субъективного благополучия в целом; на втором этапе – факторы профессионального благополучия; затем – обсуждение факторов профессии НПР, определение удерживающих и отталкивающих профессиональные факторы в работе НПР и их результативность.

Систематизация ответов участников позволяет выделить укрупненную группу факторов, определяющих субъективное благополучие: семья, здоровье, интересная работа, интеллектуальное развитие, свобода, относительная определенность, друзья, наличие дохода. Целесообразно эксплицировать значение факторов «свобода» и «относительная определенность», вызвавших аффективность участников, понимаемую как особое свойство дискурса, характеризующую его в аспекте особой эмоциональности или эмоционально окрашенного отношения участника к обозначаемому. Так, фактор «свобода» детализировался участниками, выделившими составляющие элементы, которые несут самостоятельную смысловую нагрузку и определяют значение данного фактора субъективного благополучия:

- зависимость от дохода;
- политическая свобода (или ограниченность выбора);
- время, которым можно распоряжаться;
- мобильность (возможность путешествовать, возможность смены места работы, развитость социальной и транспортной инфраструктуры);
- отсутствие страха (стресса);
- возможность выбора рода занятий.

Фактор «относительная определенность» был также детально проанализирован в ходе групповой дискуссии. Участниками были названы следующие элементы, характеризующие данный фактор:

- свобода выбора направления личностного развития (в том числе профессионального);
- доступность и степень открытости информации;
- возможность долгосрочного жизненного планирования (стратегии развития);
- отсутствие накопленного стресса;
- уровень жизни и притязаний должен быть выше необходимости удовлетворения первичных потребностей выживания (пища, одежда, жилье).

Этап идентификации факторов субъективного благополучия был дополнен процедурой оценивания участниками степени его реализации в их жизни. Им была предложена шкала оценивания, где 1 – совершенно не удовлетворен, 2 – незначительно удовлетворен, 3 – частично удовлетворен, 4 – удовлетворен, но немного ниже среднего уровня, 5 – умеренно удовлетворен, 6 – удовлетворен больше среднего уровня, 7 – существенно удовлетворен, 8 – значительно удовлетворен, 9 – почти полностью удовлетворен, 10 – полностью удовлетворен. В наибольшей степени участники удовлетворены такими составляющими благополучия, как любовь, семья и профессиональное благополучие (9 баллов). Также достаточно высокая степень удовлетворенности у участников фокус-групп выявлена по факторам жилищных условий, возможностей развития и взаимопониманию (по 8 баллов) и в меньшей степени – здоровьем (7 баллов). В наименьшей степени участники фокус-групп удовлетворены своими доходами и отсутствием стрессовых ситуаций (по 5 баллов). Таким образом, анализ факторов субъективного благополучия опытных научно-педагогических работников в целом позволяет сделать вывод о том, что в жизни участников фокус-групп для полного ощущения счастья недостаточно денежных средств и достаточно много стрессовых ситуаций, при этом участники почти полностью удовлетворены семьей, любовью и профессиональным благополучием (рис. 1).

Рисунок 1 демонстрирует значительное «западание» факторов «дохода», «свободы» и «относительной определенности». Данные факторы определены респондентами как трудно поддающиеся влиянию на текущий момент времени, а именно:

- ограниченность свободы, в том числе мобильности, определяется невысоким уровнем дохода на текущий момент;
- современная ситуация в российском гражданском обществе была определена респондентами как ограничивающая политические свободы и возможности социального выбора в целом.

На следующем этапе обсуждения участникам предложено идентифицировать и оценить факторы профессионального благополучия. В качестве таковых определены следующие:

- профессиональное развитие, включая перспективы карьерного продвижения;
- признание, в том числе научным сообществом, коллегами и студентами;
- гибкий график работы, трудовая мобильность (возможность академической мобильности);
- вознаграждение, доход;

- коллектив (социальный и психологический климат);
- баланс между научной и педагогической деятельностью;
- поддержка руководства (кафедра, факультет и ректор);
- удовольствие от процесса научной и педагогической деятельности;
- предсказуемые «правила игры» (административный и деловой регламент выполнения работы, координация и соподчинение, прописанные трудовые процедуры и определенность рутинных трудовых обязанностей).

Рис. 1. *Оценивание факторов субъективного благополучия, выделенных участниками фокус-групп «Анализ факторов субъективного благополучия НПП, составляющие профессиональной идентичности»*

При этом был выявлен парадокс, заключающийся в том, что при обращении на первом этапе к участникам как индивидам, личностям, без акцента их внимания на профессиональной принадлежности, с просьбой выявить факторы субъективного благополучия в целом фактор дохода (бюджет и другое) был идентифицирован 88% участников. Затем в этот этап проведения фокус-групп был включен профессиональный дискурс и ориентация на профессиональную оценку субъективного благополучия. Переход на профессиональный дискурс поменял значимость факторов благополучия, т.е., как только к социальным и личностным факторам добавился фактор благополучия в профессии, доход утратил свою значимость и был указан только 13% участников. Это свидетельствует о том, что доход имеет значение в жизни НПП в целом, но в профессии гораздо более значимыми ими признаются иные факторы, рассмотренные ниже, например, призвания. Это дает возможность анализировать сочетание экономических и неэкономических мотивов поведения индивидов и соответствующих рациональных и иррациональных поведенческих реакций (Яковлева, 2014, с. 66).

Дальнейшая процедура оценивания удовлетворенности выявленными факторами проводилась параллельно в двух рабочих группах с целью активизации профессионального дискурса коммуникативного поведения (рис. 2).

Рисунок 2 показывает значимые расхождения в оценках по некоторым факторам, что вызывает необходимость пояснения. Фактор «Признание» был оценен второй группой более высоко, так как это по большей части оценивалось признание среди коллег и

студентов; первая же группа положила в основу признание со стороны «большой науки», т.е. ведущего российского и мирового научного сообщества.

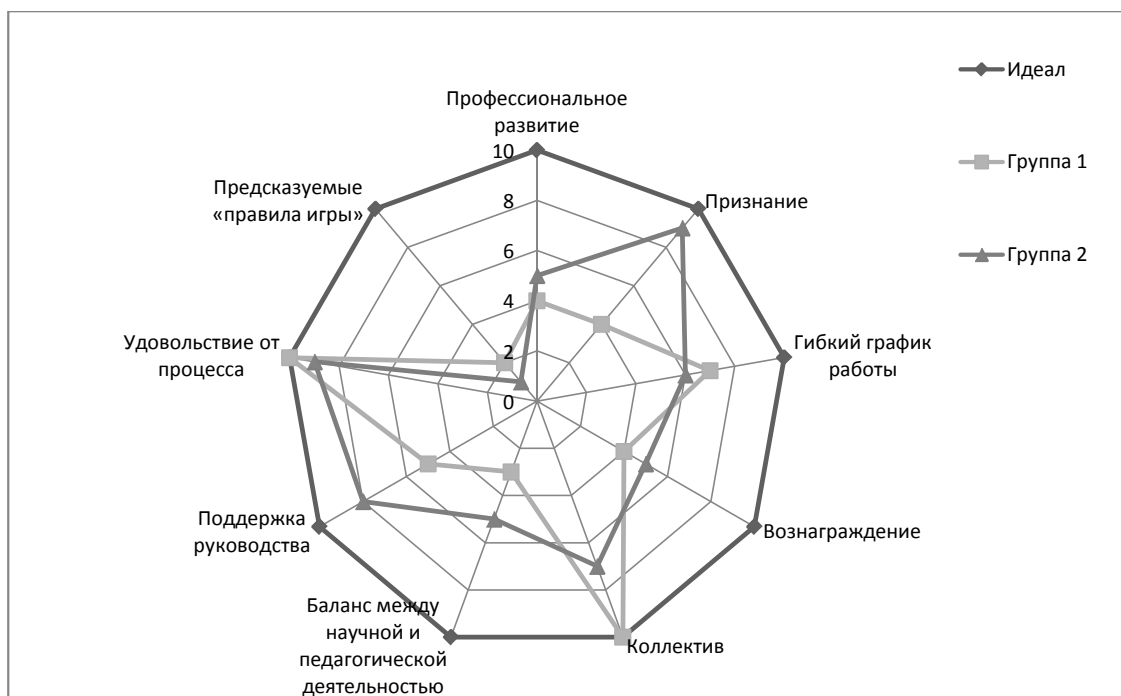

Рис. 2. *Оценивание факторов профессионального благополучия, выделенных участниками фокус-групп «Анализ факторов субъективного благополучия НПП, составляющие профессиональной идентичности»*

Фактор «Поддержка руководства» первой группой оценен более низко по причине значимости поддержки молодых НПП со стороны руководства университета в целом, тогда как вторая группа в основу оценки положила поддержку НПП со стороны руководства кафедры и факультета. Расхождение в оценках фактора «Коллектив» объясняется тем, что вторая группа сделала акцент на взаимоотношения и поддержку молодых НПП более взрослыми коллегами. Участники сетовали на определенную дискриминацию со стороны коллег старшего поколения: не учитывается мнение молодых коллег, отсутствуют инициативы по передачи опыта со стороны старшего поколения НПП, традиции воспитания преемников. Отношения со старшими коллегами носят в большей степени конкурентный характер, нивелируя ценности сотрудничества.

В целом же диаграмма показывает согласованность в низких оценках по факторам «Профессионального развития»; участники отметили неудовлетворенность по наличию перспектив развития в своей профессиональной деятельности. Фактор «Баланс между научной и педагогической деятельностью» также получил низкие оценки по причине высокой административной нагрузки на НПП в целом, необходимости заполнения множества отчетов и выполнения множества непрофильных обязанностей. Отмечена тенденция: «взрослые педагоги» не желают заниматься студентами.

Фактор «Правила игры» получил негативные оценки по причине нарастания бюрократизации рабочих процессов, необходимости заполнения различных форм отчетности, которые зачастую дублируют друг друга, отсутствия четких регламентов взаимодействия с ректоратом и другими административными подразделениями университета, постоянно меняющихся требований по документационному сопровождению учебного процесса.

Идентификация удерживающих и отталкивающих факторов в профессиональной деятельности научно-педагогических сотрудников позволила выявить значимые эмоционально-отношенческие и поведенческо-регулятивные компоненты, формирующие их субъективное благополучие:

- 1) удовольствие от процесса преподавания и научной деятельности;
- 2) разнообразие видов педагогической и научной деятельности;
- 3) престижность профессии;
- 4) этос НПП как идеал честности и порядочности;
- 5) возможность передавать знания и «ключи к жизни» (учительство);
- 6) совпадение личного и профессионального развития (работа по призванию, работа как хобби);
- 7) возможность гибкого графика работы, перспектива длительного отпуска;
- 8) общение с молодежью, интересными, творческими людьми;
- 9) участие в групповых и индивидуальных научных грантах и коммерческих проектах, возможность трудовой мобильности, командировок;
- 10) возможность защиты научной диссертации и получения научного звания (для молодых НПП).

Отметим, что специфика профессионально-педагогической деятельности проявляется в обоснованном Э. Эммонсом понятии «созидание», которое реализуется в непосредственной заботе о будущих поколениях, заботе о благополучии других, что, по его мнению, связано с более высоким уровнем благополучия (*Emmons, 2007, p. 134*). При этом субъективное благополучие свойственно представителям тех профессий, которые рассматривают ее как смысл жизни, как призвание, осознают ценность и смысл профессиональной деятельности. Неотъемлемой характеристикой педагогической профессии является призвание, которое выражается, по мнению М. Селигмана, в использовании своих достоинств в труде во благо людям (*Селигман, 2013, с. 96*).

Факторами, снижающими ощущение субъективного благополучия и удовлетворенности профессиональной деятельностью, научно-педагогические работники НПП считают следующие:

- 1) недостаточность и неопределенность перспектив профессионального развития;
- 2) оторванность реального уровня оплаты труда НПП от реального уровня жизни;
- 3) профессиональное выгорание;
- 4) необходимость выполнять трудовые обязанности во время отпуска;
- 5) непреодолимые препятствия в подготовке к защите диссертационной работе (заканчивается терпение у соискателя);
- 6) недобросовестная конкуренция при проведении процедуры выборов на продление трудовых контрактов;
- 7) нарастающее угасание интереса студентов к обучению;
- 8) нарастание бюрократической волокиты (бесконечность в нарастании объема документооборота);
- 9) в случае ухода в декрет прерывается контакт с коллективом, ускоряется процесс «профессионального устаревания и оторванности от профессионального развития»;
- 10) отсутствие четких возможностей для саморазвития и самореализации.

Структура благополучия педагогов в более значительной степени, чем в других профессиях, характеризует их деятельность. Взаимосвязь удовлетворенности трудом, эмоционального благополучия в научно-педагогической сфере с показателями удовлетворенности жизнью, социальными отношениями, по мнению Р. Шамионова, подтверждает большую эмоциональную включенность (аффективность) педагогов в профессиональную деятельность, а также ее влияние на общий уровень благополучия (*Шамионов, 2010, с. 242*). Принципиально важным в нашем исследовании является анализ нарративов, который на конкретных рынках объясняет формирование

институциональной структуры, а в нашем исследовании – формирование долгосрочных мотивов, например, профессий, связанных с неденежными факторами, – научно-педагогических работников. Это позволяет углубить понимание их мотивации и влияния на нее тех или иных стимулов и идентифицировать, проектировать новые институты (Вольчик, 2017, с. 140).

Заключение

Поисковый этап исследования позволил выявить перечень социальных, личностных и профессиональных факторов субъективного благополучия НПП и продолжается запланированными научным коллективом качественными исследованиями (глубинными интервью) субъективного благополучия НПП Южного, Северо-Кавказского, Сибирского, Крымского федеральных университетов, а также Калининградского, Донского государственных технических университетов, Кубанского государственного университета. Используемый при этом нарративный анализ (Akerlof and Snower, 2016; Shiller, 2017) позволит определить баланс между потребностями индивида и социальной группы и понять особенности социального контекста, в котором происходят действия данной профессиональной группы (Вольчик, 2017). Исходя из этого, мы углубим понимание детерминант субъективного благополучия научно-педагогических работников вузов и их вклад в результативность труда российских НПП.

Выводы проведенного поискового этапа исследования сформулированы следующим образом:

1) концепт субъективного благополучия включает в себя когнитивную оценку удовлетворенности жизнью в целом и поведенческие факторы ощущения удовлетворенности жизнью («аффективность»);

2) степень «аффективности» как положительной компоненты субъективного благополучия привязана к ситуационным моментам профессии НПП:

- переживание положительных эмоций и ощущений;
- межличностные коммуникации;
- социальная компетентность;

3) значимость экономического благополучия, выраженного в величине дохода, для НПП уступает ценностям свободы выбора и интересной работы;

4) существует взаимосвязь между уровнем субъективного благополучия НПП, качеством профессиональной деятельности и показателями результативности вуза;

5) существует большая степень «аффективности» молодой возрастной группы НПП, что выражается в большей степени профессиональной вовлеченности;

6) современные реформы образования в условиях прекариатизации социально-трудовых отношений в России могут негативным образом отразиться на профессиональном благополучии НПП. Реформы оборачиваются:

- ростом административной нагрузки;
- увеличением отчетности;
- необходимостью затрачивать время и усилия на внедрение и освоение новых формализованных стандартов работы, и эти новые обязанности зачастую мешают заниматься непосредственно обучением и научными исследованиями, что приводит к разрушению позитивных профессиональных ценностей.

Выявление наиболее значимых компонентов, влияющих на высокий уровень субъективного благополучия в сфере высшего образования, и применение дискурсивного анализа открывают возможности для совершенствования научных и управленческих практик, направленных на достижение и удержание психологической устойчивости, рост продуктивности и самореализации личности педагога. Субъективное благополучие научно-педагогических работников выступает одной из их основных внутренних характеристик, влияющих на их поведение, принятие решений, социализационно-воспитательную, наставническую функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипина О. Н. (2012). Экономическая теория счастья как направление научных исследований // *Вопросы экономики*. № 2, с. 94–107.

Березовская Р. А. (2016). Профессиональное благополучие: проблемы и перспективы психологических исследований // *Психологические исследования*, Т. 9, № 45. (<http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1232-berezovskaya45.htm> – Дата обращения: 12.11.2018 г).

Вольчик В. В., Зотова Т. А., Филоненко Ю. В., Фурса Е. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д. (2015). Идентификация направлений институциональных изменений в сфере российского высшего образования // *Journal of Economic Regulation*, Т. 6, № 2, с. 114–131.

Вольчик В. В. (2017). Нарративная и институциональная экономика // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 9, № 4, с. 132–143.

Дембицкий С. (2008). Теоретическая валидность измерительной процедуры и смещение данных в социологическом исследовании // *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 3, с. 99–118.

Измерение показателей и постановка целевых ориентиров в области благополучия: инициатива Европейского регионального бюро ВОЗ. (http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/195511/e96732r.pdf – Дата обращения: 10.11.2018).

Кислицына О. А. (2016). Измерение качества жизни/благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН, 62 с.

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. (2015). Счастье и его детерминанты (Статья 1) // *Социологические исследования*, № 12, с. 120–132.

Ларин А. В., Филясов С. В. (2018). Парадокс Истерлина и адаптация в России // *Экономический журнал ВШЭ*, Т. 22, № 1, с. 59–83.

Лебедев А. Н. (2018). Индикаторы и предикторы психологического состояния российского общества // *Человеческий капитал*, № 6(114), с. 66–76.

Мельникова О. Т. (2007). Методики и техники фокус-группового исследования // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М)*, № 24, с. 7–27.

Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. (1991). Фокусированное интервью. М.: Институт молодежи.

Селигман М. (2013). Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 440 с.

Творогова Н. Д., Кулешов В. А. (2017). Преподаватель отечественного вуза перед вызовами современности // *Вестник Московского университета*. Серия 14: Психология, № 3, с. 3–21.

Тихонова Н. Е. (2015). Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 19–33.

Троцук И. (2015). Воображаемая дилемма «методология – методика», или Почему мы предпочитаем дискурсивный и нарративный анализ «традиционному» контент-анализу // *Социологическое обозрение*, 14(3), с. 48–63.

Флербе М. (2012). За пределами ВВП: в поисках меры общественного благосостояния (Часть II) // *Вопросы экономики*, № 3, с. 32–51.

Фрумкина Р. М. (1992). Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // *Научно-техническая информация*. Серия 2: Информационные процессы и системы, № 3, с. 1–7.

Хащенко В. А. (2011). Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // *Экспериментальная психология*, Т. 4, № 1, с. 106–127.

Хвостикова В. А. (2012). Удовлетворенность работой и субъективное благополучие сотрудника как фактор эффективности деятельности организации // *Социальная психология и общество*, № 1, с. 26–39.

- Чеховский И. В. (2012). Метод фокус-групп: этапы реализации исследования // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология, № 4, с. 145–155.
- Шамионов Р. М. (2010). О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // *Мир психологии*, № 1, с. 237–249.
- Яковлева Е. А. (2014). Поведенческая экономика как область научного знания в современной экономической науке // *Journal of Economic Regulation* (Вопросы регулирования экономики), № 2, с. 62–69.
- Ядов В. А. (2003). Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 596 с.
- Anastasi, A. (1986). Evolving concept of test validation // *Annual Review in Psychology*, 37, 1–15.
- Argyle, M. (2001). *The Psychology of Happiness*. New York: Taylor & Francis.
- Diener, E., Lucas, R., Oishi, S. (2002). Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction / *The handbook of positive psychology*. New York: Oxford University Press, 63–73.
- Diener, E., Seligman, M. E. P. (2004). Beyond money: Toward an economy of well-being // *Psychological Science in the Public Interest*, 5, 1–31.
- Easterlin, R. A. (2005). Building a Better Theory of Well-Being / *Economics and happiness: framing the analysis*. New York: Oxford University Press Inc.
- Easterlin, R. A. (2016). Paradox Lost? USC-INET Research Paper, № 16-02. Rochester, New York: Social Science Research Network, 42 p. (<https://ssrn.com/abstract=2714062> – Дата обращения: 22.10.2018).
- Emmons, R. A. (2007). Gratitude, subjective well-being, and the brain / *The Science of Subjective Well-Being*. New York: The Guilford Press.
- Ferrer-i-Carbonell, A. (2005). Income and well-being: an empirical analysis of the comparison income effect // *Journal of Public Economics*, 89, 997–1019.
- Helliwell, J., Layard, R. & Sachs, J. (2018). *World Happiness Report 2018*, New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Inglehart, R. F., Welzel C. (2010). Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model // *Social Indicators Research*, 97, 43–63.
- Kahneman, D., Deaton A. (2010). High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 16489–16493.
- Layard, R. (2011). *Happiness: lessons from a new science*. Penguin, London, UK.
- Layard, R. (2010). Measuring Subjective Well-Being // *Science*, 29, Vol. 327, Issue 5965, 534–535.
- OECD (2017). *How's Life? Measuring Well-being*. OECD Publishing.
- Oswald, A., Proto, E., Sgroi, D. (2015). Happiness and productivity // *Journal of Labor Economics*, 33(4), 789–822.
- Proto E, Rustichini, A. (2013). A Reassessment of the Relationship between GDP and Life Satisfaction // *PLoS ONE*, 8(11). (<https://doi.org/10.1371/journal.pone.0079358> – Дата обращения: 01.11.2018).
- Rath, T., Harter, J. (2010). *Wellbeing: The Five Essential Elements*. Gallup Press.
- Stiglitz, J., Sen, A., Fitoussi, J.-P. (2009). *Report of the Commission on the Measurement of Economic performance and Social Progress*. France, 292 p.
- Van Horn, J. E., Taris, T. W., Schaufeli, W. B., Schreurs, P. J. G. (2004). The structure of occupational wellbeing // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 77, 365–375.
- Veenhoven, R. (2005). Well-being in nations and well-being of nations: Is there a conflict between individual and society. Social Indicators United States and Germany // *Journal of Gerontology: Social Sciences*, 60, 29–136.

Warr, P. (2013). How to Think About and Measure Psychological Well-being / Research Methods in Occupational Health Psychology: Measurement, Design and Data Analysis. New York: Psychology Press, 76–90.

Westen, D., Rosenthal, R. (2005). Improving Construct Validity: Cronbach, Meehl, and Neurath's Ship // *Psychological Assessment Copyright by the American Psychological Association*, 17(4), 409–412.

REFERENCES

Anastasi, A. (1986). Evolving concept of test validation. *Annual Review in Psychology*, 37, 1–15.

Antipina, O. N. (2012). Economic theory of happiness as a direction of scientific research. *Economic Issues*, 2, 94–107. (In Russian).

Argyle, M. (2001). *The Psychology of Happiness*. New York: Taylor & Francis.

Berezovskaya, R. (2016). Professional well-being: problems and prospects of psychological research. *Psychological research*, 9, 45. (<http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1232-berezovskaya45.htm> – Access Date: 12.11.2018). (In Russian).

Chekhovskiy, I. V. (2012). The focus groups method: stages of research. *RUDN Bulletin. Series: Sociology*, 4, 145–155. (In Russian).

Dembitskiy, S. (2008). Theoretical validity of measuring procedure and data shift in sociological research. *Sociology: theory, methods, marketing*, 3, 99–118. (In Russian).

Diener, E., Lucas, R., Oishi, S. (2002). Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction. *The handbook of positive psychology*. New York: Oxford University Press, 63–73.

Diener, E., Seligman, M. E. P. (2004). Beyond money: Toward an economy of well-being. *Psychological Science in the Public Interest*, 5, 1–31.

Easterlin, R. A. (2005). *Building a Better Theory of Well-Being. Economics and happiness: framing the analysis*. New York: Oxford University Press Inc.

Easterlin, R. A. (2016). Paradox Lost? USC-INET Research Paper, № 16-02. Rochester, New York: Social Science Research Network, 42 p. (<https://ssrn.com/abstract=2714062> – Access Date: 22.10.2018).

Emmons, R. A. (2007). *Gratitude, subjective well-being, and the brain. The Science of Subjective Well-Being*. New York: The Guilford Press.

Ferrer-i-Carbonell, A. (2005). Income and well-being: an empirical analysis of the comparison income effect. *Journal of Public Economics*, 89, 997–1019.

Fleurbay, M. (2012). Beyond GDP: the quest for a measure of social welfare (part II). *Economics Problems*, 3, 32–51. (In Russian).

Frumkina, R. M. (1992). Conceptual analysis from the point of view of the linguist and psychologist (concept, category, prototype). *Scientific and technical information. Series 2: Information processes and systems*, 3, 1–7. (In Russian).

Helliwell, J., Layard, R., & Sachs, J. (2018). *World Happiness Report 2018*, New York: Sustainable Development Solutions Network.

Inglehart, R. F., Welzel, C. (2010). Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model. *Social Indicators Research*, 97, 43–63.

Kahneman, D., Deaton, A. (2010). High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 16489–16493.

Khavchenko, V. A. (2011). Subjective economic well-being and its measurement: questionnaire construction and its validation. *Experimental psychology*, 4(1), 106–127. (In Russian).

Khvostikova, V. A. (2012). Job satisfaction and subjective well-being of the employee as a factor of organization efficiency. *Social psychology and society*, 1, 26–39. (In Russian).

Kislitsyna, O. A. (2016). Measuring quality of life/well-being: international experience. M.: Economics Institute RAS, 62 p. (In Russian).

Kozyreva, P. M., Nizamova, A. E., Smirnov, A. I. (2015). Happiness and its determinants (Article 1). *Sociological research*, 12, 120–132. (In Russian).

Larin, A. V., Filyasov, S. V. (2018). The Easterlin paradox and adaptation in Russia. *HSE Economic Journal*, 22(1), 59–83. (In Russian).

Layard, R. (2011). *Happiness: lessons from a new science*. Penguin, London, UK.

Layard, R. (2010). Measuring Subjective Well-Being. *Science*, 29, Vol. 327, Issue 5965, 534–535.

Lebedev, A. N. (2018). Indicators and predictors of the psychological state of Russian society. *Human capital*, 6(114), 66–76. (In Russian).

Measuring performance and setting targets in the well-being field: an initiative of the European regional Bureau) (http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/195511/e96732r.pdf – Access Date: 10.11.2018). (In Russian).

Melnikova, O. T. (2007). Methods and techniques of focus group research. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M)*, 24, 7–27. (In Russian).

Merton, R., Fiske, M., Kendall, P. (1991). *Focused interview*. M.: Institute Of Youth. (In Russian).

OECD (2017). *How's Life? Measuring Well-being*. OECD Publishing.

Oswald, A., Proto, E., Sgroi, D. (2015). Happiness and productivity. *Journal of Labor Economics*, 33(4), 789–822.

Proto, E., Rustichini, A. (2013). A Reassessment of the Relationship between GDP and Life Satisfaction. *PLoS ONE*, 8(11). (<https://doi.org/10.1371/journal.pone.0079358> – Access Date: 01.11.2018).

Rath, T., Harter, J. (2010). *Wellbeing: The Five Essential Elements*. Gallup Press.

Seligman, M. (2013). *Path to prosperity. A new understanding of happiness and well-being*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 440 p. (In Russian).

Shamionov, R. M. (2010). On some transformations of the structure of subjective well-being in different conditions of professional socialization. *World of psychology*, 1, 237–249. (In Russian).

Stiglitz, J., Sen, A., Fitoussi, J.-P. (2009). *Report of the Commission on the Measurement of Economic performance and Social Progress*. France, 292 p.

Tvorogova, N. D., Kuleshov, V. (2017). University Teacher before the challenges of modernity. *Bulletin of Moscow University*, 14. Psychology, 3, 3–21. (In Russian).

Tikhonov, N. E. (2015). Russians Satisfaction with life: dynamics and factors. *Social Sciences and modernity*, 3, 19–33. (In Russian).

Trotsuk, I. (2015). Imaginary dilemma «methodology-methodology», or Why we prefer discursive and narrative analysis to traditional content analysis. *Sociological review*, 14(3), 48–63. (In Russian).

Van Horn, J. E., Taris, T. W., Schaufeli, W. B., Schreurs, P. J. G. (2004). The structure of occupational wellbeing. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 77, 365–375.

Veenhoven, R. (2005). Well-being in nations and well-being of nations: Is there a conflict between individual and society. Social Indicators United States and Germany. *Journal of Gerontology: Social Sciences*, 60, 29–136.

Volchik, V. V., Zotova, T. A., Filonenko, Y. V., Fursa, E. V., Krivosheeva-Medyantseva, D. D. (2015). Identification of institutional changes directions in the Russian higher education sphere. *Journal of Economic Regulation*, 6(2), 114–131. (In Russian).

Volchik, V. V. (2017). Narrative and institutional Economics. *Journal of Institutional Studies*, 9(4), 132–143. (In Russian).

Warr, P. (2013). *How to Think About and Measure Psychological Well-being. Research Methods in Occupational Health Psychology: Measurement, Design and Data Analysis*. New York: Psychology Press, 76–90.

Westen, D., Rosenthal, R. (2005). Improving Construct Validity: Cronbach, Meehl, and Neurath's Ship. *Psychological Assessment Copyright by the American Psychological Association*, 17(4), 409–412.

Yakovleva, E. (2014). Behavioral Economics as a field of scientific knowledge in modern Economics. *Journal of Economic Regulation*, 2, 62–69. (In Russian).

Yadov, V. A. (2003). Strategy of sociological research: description, explanation, understanding of social reality. M.: Dobrosvet, 596 p. (In Russian).